

О.А. БРАГАРНИК,
Одесский национальный экономический университет,
Одесса, Украина,
olga_sonne@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: МЕХАНИЗМ ВЗАИМОСВЯЗИ

Рассматривается проблема взаимосвязи институциональных и технологических изменений, анализируется механизм их взаимосвязи и взаимодействия, а также влияние на процессы в воспроизводственной системе.

Ключевые слова: институциональная теория, институциональные и технологические изменения, технологии, институты.

Розглядається проблема взаємозв'язку інституціональних і технологічних змін, аналізується механізм їх взаємозв'язку і взаємодії, а також вплив на процеси у відтворювальній системі.

Ключові слова: інституціональні зміни, технологічні зміни, технології, інститути.

O.O. Bragarnyk

Institutional and technological change: mechanism of interrelation

The article discusses the relationship between institutional and technological changes, analyzes the mechanisms of their relationship, interaction and influence on the processes in the reproductive system.

Keywords: institutional and technological changes, technology, institutes.

Взаимосвязь технологического и институционального факторов является одной из актуальных проблем, поскольку именно уровень развития технологической базы и состояние институциональной структуры определяет вектор социально-экономического развития страны в целом и эффективность воспроизводственной системы в частности. Многие экономисты видят в институтах и инновациях два ключевых фактора, которые в значительной степени предопределяют уровень экономического развития государства. При этом эта траектория является во многом результатом их взаимовлияния и взаимодействия: технологические и организационные нововведения часто требуют соответствующей адаптации институциональных форм, в то время как институциональная среда оказывает решающее влияние на характер генерирования инноваций.

Однако, практика институциональных реформ показывает, что институциональные преобразования не могут автоматически обес-

печить эффективное функционирование воспроизводственной системы, а зачастую способствуют сохранению или усилению инерционности развития экономической системы, которая замыкается на неэффективных нормах, препятствующих ее инновационному развитию [1, с. 3]. В Украине же структурные процессы, происходящие в экономической системе, являются практически неуправляемыми, а направления институциональных изменений не определено.

Технологии и технологические изменения как важнейший фактор институциональной динамики рассматриваются в работах К. Кастальди, Дж. Доси [2], Норта [3], В. Вольчика [4], А. Московского [5], Ф. Хейдена [6], Дж. Ходжсона [7], У. Гордона [8], К. Эйрса [9], О.Уильямсона [10]. Исследованием закономерностей распространения нововведений и проблем технологического прогресса занимались такие видные ученые, как А. Гершенкрон [11], Р. Камерон [12], С. Лили [13], Э. Мэнсфилд [14], Б. Санто [15], Д. Сахал [16], Шумпетер [17]. Взаимосвязь институционального и технологического развития экономики исследуется в трудах зарубежных учёных Т. Веблена [18, 19], Дж. Доси [2] и отечественных, таких как М. Сизякина [1], С. Кирдина [20] и др.

Как известно, институциональная теория позволила объяснить многие эффекты, которые неоклассическим синтезом даже не формулировались и многие исследователи задались вопросами о том, что общего имеют между собой технологические и институциональные изменения. Идея о влиянии внешних условий и технологий на характер общественного производства давно известна, однако, по мнению Д. Норта, реально «встроить» технологию в общую теорию никому, за исключением К. Маркса, пока не удавалось [3, с. 168].

Исследования технологий институциональным направлением экономической теории начались с работ Т. Веблена, по мнению которого технологические изменения являются

© О.А. Брагарник, 2014

причиной институциональных изменений, но темпы изменений технологий и институтов зачастую различны. Такая асинхронность приводит к противоречиям между организационными формами и институтами. Несоответствие темпов изменений инертных институтов и более динамичных технологий в эпоху промышленной революции стало известно в экономической науке как «дихотомия индустрии и бизнеса» [18, 19]. В работах последователей Веблена концепция дихотомии претерпела изменения, противопоставление «индустрии» и «бизнеса» было воспринято как контраст между институтами и технологией и в настоящее время в экономической литературе дихотомия Веблена часто представляется как дихотомия Веблена-Эйрса.

Технология понимается институционализмом как совокупность правил, навыков и умений, соответствующих определённым условиям хозяйствования и производства определённых видов продукции [4, с. 132]. Это особый ресурс, без которого других ресурсов не существует и который объединяет все ресурсы в процесс производства, являющийся действительным содержанием деятельности фирмы и играющим решающую роль в определении затрат на производство [5, с. 34]. Именно этот «ресурс ресурсов» делает определенное сырьё, здание, оборудование ресурсом, а появление новой технологии означает появление новых ресурсов.

В то же время непосредственно воспроизводственный процесс не является предметом изучения институциональной теории, поэтому вопрос влияния на воспроизводственную систему взаимосвязи технологической и институциональной структур экономики до сих пор остается открытым и изученным недостаточно.

Целью статьи является исследование и анализ взаимосвязи институциональной и технологической составляющих воспроизводственной системы в трансформационной экономике.

Как известно, сущность воспроизводственного процесса наиболее полно и всесторонне исследована в марксистской теории. Производство, как основа воспроизводственного процесса, представляет собой процесс, состоящий из последовательности действий и имеющий заранее вполне определенную цель. Институционалисты, добавляя к нему навыки участвующих в нем людей, а также применяемые орудия и знания, называют этот процесс «технологией».

Институционализм часто используют определение технологии как «комбинации (взаимодействия) навыков, орудий, знания» [6, с. 23]. Контекст, в котором используется это определение, является весьма обширным. Например, известный институционалист Ф. Хейден, считает, что «всё, что бы не делал человек» («способ каким мы живём, каким мы общаем друг другу что-либо») находится под воздействием технологии. Таким образом, Хейден выразил институциональное понимание технологии как центрального звена в экономическом строе общества – именно технология с соответствующими общественными отношениями рассматривается как объективная основа или причина возникновения определенных институтов – «способов думать и действовать определенных групп людей...» [6, с. 33]. Изменение технологии является причиной социально-экономической эволюции общества. Одним из важных свойств технологии, по мнению Хейдена, является то, что «осуществление технологии не связано ни с какой степенью свободы» [6, с. 291]. То есть в технологическом процессе человек всецело подчинен необходимости, здесь нет места свободе выбора индивида, понимаемой как максимизация полезности. Однако это не значит, что технология есть «нечто заданное и лишенное социального содержания», как она трактуется неоклассикой. Как пишет видный представитель институционализма Дж.Ходжсон, «производство является организованной общественной деятельностью, включающей как отношения между людьми, так и между человеком и природой» [7, с. 43].

Таким образом, анализ научных работ показывает, что некоторые теоретические постановки К.Маркса и исследования учёных-институционалистов во многом удачно дополняют друг друга. Так, Дж. Ходжсон отмечает, что на новом этапе развития институционализма целесообразно внедрить в него определённые идеи К.Маркса, в частности, по поводу природы экономических систем и теории производства [7, с. 49]. Данные теоретических направлений возникли в различное время, соответственно, и исторические эпохи, являющиеся предметом их изучения, различны. Однако, по мнению автора, исследуемые периоды имеют достаточно серьезное сходство – это переходные экономики (период становления нового способа производства – капиталистического – у К.Маркса, трансформационная экономика стран постсоветского пространства – у отече-

ственных и становление постидустриального общества – у зарубежных учёных-институционалистов).

Понятие «дихотомия» в институционализме соответствует марксистскому «противоречия» или «единство противоположностей». Следует согласиться с мнением У. Гордона, что институционализм называет институтами то, что у Маркса выражается понятием «производственные отношения». [8, с. 112]. Взаимосвязь институциональных и технологических структур согласно институциональной и марксистской концепциям представлена на рисунке 1.

Формула «дихотомии Веблена-Эйреса» сходна с положением о «единстве производственных отношений и производительных сил», представляющем определенный «способ производства» [21]. В частности, согласно К. Эйрсу, существуют две основные силы, определяющие эволюционные процессы в обществе: одна – прогрессивная, динамичная, приводящая к совокупным изменениям (технологии); другая – регрессивная, статичная, противодействующая изменениям [9]. Технология как динамический элемент изменений, имея собственный набор институциональных взаимоотношений и структур, оказывает воздействие на институты через определенный временной лаг. При этом технология не сводится к использованию орудий труда или человеческих умений, а является неразделимой комбинацией этих двух составляющих.

Дихотомия «церемониального» (институционального) и «технологического» проявляется в том, что исторически определенные институты являются достаточно устойчивыми способами и формами коллективного действия, которые дают возможность развиваться технологиям и обществу. Но «церемониально-институциональная» сторона общественного устройства относительно консервативна, поэтому на определенном этапе технологического развития возникает необходимость смены или реформирования институтов.

В свою очередь, К. Маркс, наряду с внешней средой, выделял технологический фактор как ограничивающий возможности развития экономической системы. Он сформулировал широко известный тезис о взаимосвязи производительных сил (куда относится и состояние технологии, и уровень развития средств труда) и производственных отношений (в составе которых, прежде всего, выделяются

отношения собственности): «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества...» [21, с. 6]

Проведенный анализ показывает, что для исследования взаимосвязи институциональной и технологической составляющих воспроизводственной системы в трансформационной экономике целесообразным является применение синтеза методологии марксизма и институционализма.

Данная проблема особенно актуальна в переходных условиях, в частности и для экономики Украины, поскольку специфика трансформационной экономики, как раз и состоит в том, что в ней происходят радикальные институциональные изменения в системе политических, правовых, экономических и социальных отношений. Трансформация экономических систем обладает объективными противоречиями, которые возникают и действуют в определённых специфически-исторических экономических системах и предполагают институциональные изменения, которые для успешного функционирования воспроизводственной системы должны дополняться технологическими изменениями.

Основным из таких противоречий, согласно К.Марксу, является противоречие между производительными силами, используемыми как факторы производства, и производственными отношениями (институтами), формирующими структуру экономического строя общества. В свою очередь, для становления институциональных механизмов американский институционалист О. Уильямсон наиболее существенным считает уровень транзакционных издержек, определяемых характером активов, задействованных в хозяйственной деятельности, а среди основных форм специфичности активов он отмечает местоположение и характеристики средств труда, которые рассматриваются как материально-технологические условия [10, с. 70, 167] Тем самым, Уильямсон вводит технологический фактор в процесс выбора институционального способа обеспечения эффективности воспроизводственной системы.

Рис. 1. Взаимосвязь институциональных и технологических структур (согласно институциональной и марксистской концепциям)

Следует согласиться с С. Архиреевым, что критерии признания экономики рыночной больше связаны с процессом формальной, а не реальной рыночной институционализацией [22, с. 91], поскольку формальная трансформация связана с изменением производственных отношений, закреплённых в определённых институциональных формах, а реальная – предполагает ещё и технологические измене-

ния, т.е. сдвиги на более глубоком уровне – на уровне производительных сил общества. Тем самым реальная трансформация предполагает формирование адекватной новым условиям технологической базы.

Таким образом, признание экономики Украины рыночной не означает завершения рыночной институционализации экономики как процесса становления рыночных институ-

тов. Переходный период заканчивается, когда завершается формирование нового институционального фундамента. По определению Д. Норта, переходные общества – это общества, которые находятся в состоянии институциональной неравновесия: отыскание новой равновесной точки в институциональном пространстве означает завершение «транзита» [3].

Новые институты, как показывает практика, в результате трансформации возникают сравнительно быстро, а воспроизводство производственного и технологического потенциала является длительным процессом. Асинхронность темпов их изменений приводит к противоречиям между организационными формами и институтами. Таким образом, оказывается возможным создавать новые институты до того, как будут воспроизведены остальные элементы новой экономической системы, в том числе и производственный потенциал. Элементы производственного потенциала (технологии, средства труда) предыдущей воспроизводственной системы ещё только должны быть воспроизведены в рамках новой системы. Завершение этого процесса будет знаменовать окончание реальной трансформации экономической системы.

Исследования взаимосвязи и взаимозависимости технологических и институциональных изменений не являются самоцелью, а имеют практическую значимость, так как в постсоветских странах для экономических систем характерным является, в той или иной степени, неэффективность, которая проявляется, в том числе, и в неспособности осуществлять инновационный воспроизводственный процесс. Особенностью воспроизводственных систем переходных экономик (вне зависимости от того, к какому способу производства осуществляется переход) является наличие элементов производственного потенциала как новой, так и старой экономических систем.

Теоретически это можно объяснить с помощью классической модели диалектики производительных сил и производственных отношений, которая базируется на отражении конечной зависимости состояния, типа производственных отношений, их соответствия уровню развития производительных сил (техники, технологии, квалификации работников). Речь идет о законе соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, который уже цитировался выше. Как известно, суть данного закона заключается в том, что производственные

отношения должны соответствовать как уровню развития производительных сил, что определяет возможности их воздействия на природу, так и их характеру, обуславливающему способы их применения. Так, существенно различаются между собой способы применения орудий ручного труда, машин и автоматических линий. Во всех случаях существующие производственные отношения, в том числе отношения собственности на средства производства, формы получения прибыли, оплаты труда и т.д., должны способствовать наиболее эффективному использованию производительных сил — человеческих способностей, орудий труда, источников энергии и т.д. Когда же такое соответствие нарушается, то производительные силы начинают использоваться неэффективно. Чаще всего это происходит, когда производственные отношения отстают от развития производительных сил, становятся консервативной стороной производства, замедляя его развитие. Асинхронность темпов их изменений приводит к противоречиям между организационными формами и институтами.

Определяющая роль технологических изменений является объективным законом развития производства. Однако, и производственные отношения активно воздействуют на развитие производительных сил, ускоряя или сдерживая его. Следует согласиться с К. Марксом, что «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы» [21, с.7].

Новые производственные отношения могут окончательно утвердиться только на базе уже созданных, качественно новых, производительных сил. Однако, эту общеисторическую закономерность нельзя трактовать односторонне. Как подчеркивает М. Звезиков, «производственные отношения, являясь экономическим способом применения производительных сил, активно воздействуют на их развитие внутри способа производства. Они определяют границы, социально-экономические последствия и стимулы развития производительных сил» [23, с. 21]. На внутриформационных этапах эта диалектика обнаруживает обратное влияние обновляющихся форм про-

изводственных отношений на развитие технологии и её применения в производстве и его организации. Эмпирическим подтверждением данных процессов является период становления капиталистического способа производства в странах Западной Европы, в частности в Англии.

Процесс зарождения нового способа производства приводит к тому, что новые экономические отношения вступают в противоречие с теми элементами структуры общественного производства, которые играют роль производительных сил предыдущего общества. При переходе к капитализму ими являлись закрепление непосредственного производителя за землёй как основным условием производства и цеховая организация промышленности. Поэтому зарождение капиталистических отношений, прежде всего, вступило в противоречие именно с этими элементами. Существенных изменений в системе технологий в это время не происходит, поскольку капиталистическая система средств труда лишь формируется в наиболее всеобщих, но, вместе с тем, и наиболее существенных моментах.

Крупные институциональные изменения происходят медленно, так как институты являются результатом исторических перемен. Новые институты, согласно Д. Нортю, появляются тогда, когда общество усматривает возможность получения прибыли, которая не может быть получена в условиях уже существующей институциональной системы. Иными словами, если производственные факторы предоставляют возможность увеличения доходов, а институциональные этому препятствуют, тогда велики шансы возникновения новых институтов [3, с. 6]. Поэтому, хотя в области экономического развития в 17 веке Англия оставила феодализм позади, правовые формы (формальные институты) тормозили развитие промышленности. Это и привело к буржуазной революции, уничтожившей существование законодательных организаций. Происшедшие изменения открыли широкую перспективу для развития производительных сил. Во-первых, они изменили позиции классов внутри общества. Во всех предыдущих формациях господствующие классы выступали как потребители и были оторваны от процессов производства. Благополучие же капиталиста зависит от уровня производительности труда на его предприятии, поэтому он всячески способствует техническому прогрессу. Теперь «производительная сила общества измеряется основным капи-

талом, существует в нём в предметной форме, и, наоборот, вместе с этим всеобщим прогрессом ... развивается производительная сила капитала» [24, с. 206]. Реальное подчинение труда капиталу могло осуществиться лишь на основе коренных преобразований в способах труда, обусловленных существенно новым техническим базисом производства, а именно – системой крупного машинного производства.

При этом технологические изменения будут быстрее в отрасли, которая является более новой и менее регулируемой. Так, во времена промышленной революции в Англии хлопчатобумажное производство было новой отраслью; оно в меньшей степени, чем другие, регулировалось законодательством, цеховыми правилами и традиционной практикой, препятствовавшими технологическим изменениям, в отличие от шерстяного и льняного производства, где развитие этих отраслей сдерживалось традицией и регулированием [12, с. 218-221].

Данные выводы подтверждаются и другими учёными. Так, по мнению А. Генсенкрона, анализ экономической истории Европы показывает, что только при условии достижения в процессе индустриального развития достаточно высокого уровня противоречий между доиндустриальными условиями и выгодами, ожидаемыми от индустриализации, процессы развития становятся достаточно сильными, чтобы преодолеть существующие препятствия и высвободить силы и ресурсы, необходимые для проведения соответствующей промышленной политики [11, с. 420-448].

Таким образом, каждый способ материального производства формирует соответствующую систему техники и технологий, которую закрепляет присущий ему институциональный механизм взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Изменяя характер процесса труда, каждый способ производства формирует адекватную своей природе систему средств труда и технологий. В данном контексте следует отметить справедливость утверждения Маркса о том, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [25, с. 420-448]. Это обстоятельство объясняет тот факт, что технические изобретения или новшества становятся элементом производительных сил общества лишь на определённой ступени

исторического развития. Подобно тому, как человек для достижения поставленных целей создаёт определённые средства труда, так же и общество для выполнения определённых социальных задач, рождаемых становящейся системой производственных отношений, должно сформировать соответствующую форму технологического преобразования веществ природы. В этом смысле справедливо утверждение о том, что технологии со стороны своих основных характеристик являются таким же историческим продуктом функционирования и развития конкретной системы производственных отношений, как и остальные явления общественной жизни.

Рассмотренные закономерности носят всеобщий характер. Каждый конкретный способ производства вначале использует систему технологий, достоящуюся ему от своего исторического предшественника, и лишь в ходе своего развития преобразует её. Именно поэтому процесс формирования производственных отношений сегодня происходит на основе той системы технологий, которая создана в пределах производственных отношений советского периода. Преобразования, которые совершаются на первых порах в материально-технической базе общества, ещё нельзя рассматривать как создание адекватной данным производственным отношениям технологической базы.

Материально-техническая база общества как экономическая категория (уровень её развития, структура, технология, организация) должна отражать объективные цели и задачи конкретного способа производства и обеспечивать их достижение. Только в этом своем значении материально-техническая база может быть понята как воплощение действия специфически-исторических законов данного общества, выступая и как их результат и, одновременно, как основа развития их собственного содержания. Это объясняется тем, что «речь идёт не просто о приспособлении существующей материальной базы к условиям новой социальной формы, а о её коренном преобразовании на основе реализации результатов научно-технического прогресса и создании адекватного данному обществу материально-технического базиса» [26, с. 170].

В тех случаях, когда формы реализации системообразующих отношений не адекватны их содержанию, не могут реализоваться и глубинные отношения. Такого рода формы сдерживают реализацию внутреннего содержания

производственных отношений. Поскольку производственные отношения не могут в полной мере реализоваться, то их содержание приобретает формальный характер. Подчёркивая это, М. Зверяков пишет: «производительные силы общества вне исторически определенной системы производственных отношений существовать не могут... Прогрессивность и исторические возможности каждой данной формы общества определяются тем, в какой мере она создаёт условия для реализации материальных факторов производства... А решающим фактором, движущей силой развития производительных сил как раз выступают производственные отношения. Именно поэтому достижение соответствия этих отношений уровню и потребностям развития производительных сил выступает как объективный закон движения общественного производства. Этот закон, его содержание и механизм действия определяют основной смысл и главную задачу практики сознательного управления общественным производством» [23, с. 58-59].

При рассмотрении производственных отношений в роли определяющего фактора движения способа производства имеются ввиду закономерности развития данной конкретной формы общества. Именно в этих пределах производственные отношения играют роль определяющего фактора общественного развития, и поэтому производственные отношения одновременно выступают и как его производительная сила. Этим и объясняется тот факт, что «одним из важнейших положений в исследовании технического аспекта функционирования и развития общества является тезис о том, что техника на любом этапе человеческой истории является особой вещественной формой специфических для этого этапа экономических общественных отношений» [26, с. 273]. Поскольку каждая данная форма общества связана как с предшествующим, так и с последующим историческим развитием, являясь лишь определённой ступенью исторического развития человечества, то вышеуказанный аспект не исчерпывает всего содержания взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Разные формы общества не только отграничены друг от друга, но и связаны друг с другом, поэтому специфика каждого способа производства не отменяет, а предполагает общеисторическую связь. В этом смысле производительные силы, которые характеризуют отношение между обществом и природой, играют определяющую роль по отношению к тем

конкретным специфически-историческим формам, посредством которых осуществляется эта связь на каждой данной ступени исторического развития. Если какая-либо форма перестаёт реализовывать эти зависимости, то возникает необходимость её устранения. Именно в этом смысле и можно говорить о том, что, представляя собой определённое единство, производительные силы и производственные отношения различаются, противопоставляются друг другу как взаимосвязанные моменты движения способа производства.

Рассматривая механизм взаимодействия производительных сил и производственных отношений в общеисторическом аспекте, следует отметить, что началом любого способа производства является определённый уровень развития производительных сил, поскольку «приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют свои общественные отношения» [27, с. 133]. Старые производственные отношения превращаются в тормоз развития производительных сил, вследствие этого они отрицаются. Именно поэтому, как уже отмечалось, противоречие между ними означает, что данная система экономических отношений и институциональных форм становится тормозом своего собственного развития. Иными словами, конфликт выражается не только в том, что производственные отношения тормозят развитие технологий, столько в том, что общественное производство в целом начинает воспроизводить чуждые ему отношения, а поэтому перестаёт воспроизводить своё собственное основное производственное отношение.

Эта закономерность прослеживается на протяжении развития всех способов производства. «Различными путями, – отмечал С. Лили, – собрано немало доказательств того, что именно форма общества, а, следовательно, и институтов, была причиной прекращения процесса технического развития. В Египте, например, где процесс деления общества на классы был практически завершен, застой был почти полным. В Месопотамии, где у численно небольшого класса независимых купцов было прочное положение, и в различных периферийных районах, где новая социально-институциональная структура была не столь прочной и жесткой, ещё мог происходить некоторый прогресс. Так колесная повозка получила распространение в Месопотамии, Эламе и

Сирии уже к третьему тысячелетию до н.э., т.е. к тому времени, когда новый социальный строй обрел устойчивость, но в Египте этого ещё не произошло» [13, с. 133]. Если параллельно с технологическим развитием происходят институциональные изменения, меняются формы организации производства, системы образования, то это создает благоприятные условия для формирования новой инвестиционной и технологической структуры. Если воспроизводственная система перестраивается в соответствии с требованиями нового технологического ядра, то происходит снижение издержек на производство продукции нового технологического уклада, что стимулирует расширенный спрос. Если конфликт между новыми технологиями и институциональным окружением решить не удастся, то новые технологии развиваются в контуре старого технологического уклада, что приводит к экономическим потерям. Под влиянием факторов внешней среды усиливаются позиции старого технологического уклада, а нового ослабляются при возможности прорыва по отдельным направлениям [29, с. 173-183].

Объективно-субъективный характер трансформации объясняется необходимостью соразмерности между уровнем развития материально-технической базы и состоянием социально-экономических отношений, с одной стороны, и особенностями реализации трансформации социальными субъектами, руководствующимися собственными жизненными установками и интересами, с другой стороны [30, с. 483-495]. При этом господствующие интересы оказывают значительное влияние на выбор форм, способов и масштабов изменений, а роль рыночного механизма в выборе технических направлений в начальной стадии развития конкретной отрасли незначительна.

Современные исследования процесса трансформации институциональной и технологической структур экономики также подтверждают, что основным препятствием институциональным инновациям является высокая степень экономической и социальной инерционности. Это связано с тем, что применение определенной технологии на протяжении длительного времени закрепляет определённые институты и механизмы, определяющие круг взаимодействия экономических агентов в рамках воспроизводственного цикла, обусловленного данной технологией. Действия групп, выигрывающих от сохранения сложившихся институциональных и технологических условий,

создают барьеры для внедрения новых технологий лоббированием своих интересов, тем самым формируя институциональную среду с высокими характеристиками инертности и транзакционными издержками [1, с. 10].

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы.

Трансформация экономических систем обладает объективными противоречиями, которые возникают и действуют в определённых специфически-исторических экономических системах и предполагают институциональные изменения. Исследования технологических и экономических изменений дают возможность изучить закономерности их развития, что делает возможным управление их совершенствованием. В свою очередь, анализ технологических изменений невозможен без изучения институциональных форм, которые непосредственным образом влияют на процессы в воспроизводственной сфере.

Обеспечение эффективности воспроизводственной системы в условиях трансформационной экономики требует согласованного решения задач формирования технологической базы и институциональных форм, способных соединять все необходимые элементы в целостные воспроизводственные контуры роста современного технологического уклада.

Модернизация институциональной среды является составной частью формирования и развития экономической системы и потому должна рассматриваться в комплексе с другими важнейшими проблемами в области производительных сил: восстановления индустриальной базы, созданной советское время и значительно разрушенной; обновления изношенного основного капитала; перехода экономики к инновационному совершенствованию.

Институциональные изменения должны обеспечить возможность активного воздействия государства на научно-технический прогресс, стимулирование предприятий к использованию нововведений, эффективности производства, нацеливать экономическую политику на обеспечение эффективного функционирования воспроизводственной системы.

Литература

1. Сизякина М. С. Асимметричность институциональной и технологической структур экономики: автореф. дис. на соискание научн. степени канд. экон. наук: 08.00.01 / М. С. Сизякина М. С. – Ростов-на-Дону, 2010. – 30 с.

2. Кастальди К., Доси Дж. Тиски истории и возможности для новизны: некоторые результаты и открытые вопросы, связанные с зависимостью от предшествующей траектории развития в экономических процессах. / К. Кастальди, Дж. Доси // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – №2, – Т.3, – с. 120-143.

3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Дуглас Норт; [пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера]. — М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. — 180 с.

4. Вольчик В.В. Институционализм: вторичность нового мифа? (возможности и пределы институциональной экономики) / В. В. Вольчик // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Том 1. - № 1. – С. 126-134.

5. Московский А.И. Институциональная экономика. / А.И. Московский. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. – 55 с.

6. Hayden F.G. Institutional policymaking // Institutional economics: Theory, method, policy, ed. / F.G. Hayden. – Tool M.R. Boston, 1993, 392 p.

7. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Дж. Ходжсон; [пер. с англ.] – М.: Дело. – 2003. – 464 с.

8. Gordon W. Institutional economics: The Changing System / W. Gordon. – Austin, L. – 1980. – 212 p.

9. Ayres C. E. The Theory of Economic Progress / C. E. Ayres. – New York: Shocken Books. – 1962. – 162 p.

10. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма / О.И. Уильямсон. – Санкт-Петербург: Лениздат. – 1996. – 689с.

11. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон // Истоки. Вып. 5: Экономика в контексте истории и культуры / под ред. Я.И. Кузьмина (гл. ред.), В.С. Автономова (зам. гл. ред.), О.И. Ананьина и др. – М.: ГУ-ВШЭ. – 2004. – 548с.

12. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Р. Камерон. – М.: РОСС ПЭН. – 2001. – 544 с.

13. Лили С. Люди, машины и история / С. Лили. – М.: Прогресс. – 1970. – 441с.

14. Мэнсфилд Э. Экономика научно-технического прогресса / Э. Мэнсфилд; – М.:

Прогресс, 1970 – 180с.

15. Санто Б. Инновация как средство экономического развития / Б. Санто; [пер. с венг.]. – М.: Прогресс, 1990 – 288с.

16. Сахал Д. Технический прогресс: концепции, модели, оценки / Д. Сахал; [пер. с англ., под ред. А. А. Рывкина]. – М.: Финансы и статистика, 1985 – 267с.

17. Шумпетер Й. Теория экономического развития / Йозеф Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.

18. Веблен Т. Теория делового предприятия / Торстейн Веблен; [пер. с англ. С.Д. Сорокиной]. – М.: Дело, 2007. – 288 с.

19. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций / Торстейн Веблен; [пер. с англ. С.Д. Сорокиной]. – М.: Прогресс, 1984. – 183 с.

20. Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) / Светлана Кирдина / Постсоветский институционализм. Под ред проф. Р.М. Нуреева и В.В. Дементьева. – Донецк: Каштан. – 2005, с. 75-101.

21. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс – 2-е изд. – Т. 13. – М.: Госполитиздат. – 1959. – 659с.

22. Архієреєв С.І. Інноваційний потенціал України: прогнозно-аналітичні оцінки / С.І. Архієреєв, Т.В. Тарасенко. – Х.: Золоті сторінки, 2008. – 112 с.

23. Зверяков М.И. Переход к рынку: проблемы теории / М.И. Зверяков – Одесса: Логос.

– 1992. – 211 с.

24. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс – 2-е изд. – Т. 46, ч. II. – М.: Госполитиздат. – 1959. – 659с.

25. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс – 2-е изд. – Т. 23. – М.: Госполитиздат. – 1959. – 659с.

26. Покрытан А.К. Историческое и логическое в экономической теории социализма / А.К. Покрытан – М.: Мысль. – 1978. – 248 с.

27. Смирнов С.Н. Философско-гносеологическая концепция научных, технических и научно-технических революций. — М.: Наука. – 1977. – 323 с.

28. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс – 2-е изд. – Т. 4. – М.: Госполитиздат. – 1959. – 659с.

29. Амосов А.И. Циклы эволюции национальной экономики / А.И. Амосов // Идеи Н.Д.Кондратьева и динамика общества на рубеже третьего тысячелетия. Материалы ко 2 международной Кондратьевской конференции. – М., 1995. – С. 173-183.

30. Сорочан О.П. Логика общественных трансформаций: институциональный подход / О.П. Сорочан. // Современная экономическая теория: проблемы разработки и преподавания / Под ред. К.А.Хубиева. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС. – 2002. – С. 487-495.

Статья поступила в редакцию 10.02.2014